

Галина УЛНОВА:

Кушибуря. - 1992. - № 12. - С. 7

«...Властино вела музыка»

Стояла удивительная декабрьская ночь. Тихая и морозная. Как на рождественских открытках. В свете притухших ленинградских фонарей искрился чистый-чистый снег. И все это так совпадало с настроением небольшой группы людей, радостных и возбужденных. Среди них находилась и я... Такое невозможно предавать забвению, и поэтому я часто обращаюсь в ту счастливую предновогоднюю ночь 1939 года. Ведь во многом ей суждено было стать определяющей в моей творческой судьбе, а, возможно, и всей жизни...

Только что в Кировском закончилась генеральная репетиция первого балета Прокофьева «Ромео и Джульетта». Спектакль прошел блестательно. Зал встал и приветствовал Сергея Сергеевича. И балетные актеры тоже... И хотя премьера была еще впереди (она состоялась 11 января сорокового года, то есть ровно пятьдесят два года тому назад), все уже понимали, что свершилось что-то необычайно значительное...

А ведь поначалу мало кто верил в успех постановки. «Вжиться» в прокофьевскую музыку (всемирно известную) нам, мало знакомым с нею не по нашей вине, было чрезвычайно сложно. Мешала необычность, частая смена ритмов, создававшая бесчисленные неудобства для танца. Говоря попросту, мы не привыкли к такой музыке. Даже побаивались ее. Трудность заключалась не только в освоении непривычных музыкальных форм, но и в хореографическом воплощении шекспировской трагедии. На нашей сцене уже появлялись балеты нового типа, вдохновленные глубокими темами классической литературы. Но ни в од-

ном из них не было столь сложной музыкальной драматургии.

Словом, и от постановщика Леонида Лавровского, и от всех нас, участников спектакля, требовались огромные усилия, обостренное чувство нового.

Что касается меня лично, то вначале я просто-напросто стояла неприступного, как нам всем тогда казалось, мастера. Этот его строгий, холодноватый взгляд из-под очков... Во всех его манерах европейского человека, в той вызывающей внутренней силе, которая чувствовалась в походке, гордой осанке, сказывались броская независимость и некая надменность. Сколько раз я задавала себе вопрос: «Танцевальна ли вообще его музыка?» Она заставляла напряженно думать, искать новые выразительные формы. Все так необычно?

Прокофьевская Джульетта, над партией которой я билась денно и нощно, зарождала во мне множество вопросов, душевные колебания. Я должна была не просто преподнести танец влюбленной девушки, а раскрыть глубокую вековечную тему Любви. Здесь мало хореографической чистоты и классической грамотности. Требовались душа, подлинность эмоций. Как только гасла истина — гасла любовь. Мне суждено было пережить всю эволюцию чувств своей героини: от наивной и шаловливой девочки до страстной, готовой на самопожертвование женщины... Здесь было самоотречение и вера, без которой не может жить человек. К тому пониманию властно вела музыка. Сложная и бескомпромиссная. Сергей Сергеевич не уступал никаким самим робким

пожеланиям и отстаивал каждый нюанс. Сколько было споров, волнений...

Но постепенно, от репетиции к репетиции, я все больше чувствовала себя охваченной шекспировскими страстиами. Некое мощное дыхание обновляло мое собственное «я». Порой мне казалось, что у меня вырвали мое сердце и заменили его сердцем Джульетты. Я была не одинока. Я видела на лицах своих коллег отблеск чувств, которые переживала сама.

Сергей Сергеевич буквально околдовал нас. Хотел он того сознательно или нет, но открыл нам огромный мир. Подарил свободную, чарующую музыку, раскрепощенную от старых традиций.

С последней репетицией распаяла последняя льдинка в наших отношениях. Укрепилась взаимная симпатия, больше того — любовь. И мы узнали нового Прокофьева — милейшего, доброго человека, остроумного и даже озорного.

Таким он был и в тот памятный вечер после спектакля. Взволнованный огромным признанием на родине. Сколько же добрых, благодарственных слов было подарено всем нам! Тогда же он выразил пожелание написать для меня какой-либо балет на сказочный сюжет. А что если «Золушка»? Быть может, идея эта возникла потому, что мы сами находились словно в сказке.

...Я не могу не думать о Прокофьеве... Его музыка... родонаучальник и душа танца, его Джульетта... средоточие света, духовной чистоты и возвышенности...

Позже, как и обещал, Прокофьев написал «Золушку» и еще «Каменный цветок»... И в

каждом из них я танцевала главные партии, заново переживая радостные муки одоления своеобразного прокофьевского языка.

Кстати, и сам творец танца, Сергей Сергеевич, очень любил танцевать. Но был на удивление неловок в этом искусстве. Помню, как на одной дружеской вечеринке в Москве он пригласил меня провалиться с ним. Поверьте, это была сущая пытка. Смеясь, я остановила танец, но мой неугомонный партнер шутливо стал подбадривать: «Ничего, Гали, терпите, как терпите мою музыку. Ведь это я синкопами, синкопами...» В то время некоторые так и не приняли его «синкопы» и упрекали композитора в излишнем профанзизме: ничего, мол, возвращающего душу в его музыке нет, одним словом — формалист. Время и правда все расставляют на свои места. Преданная непоколебимая любовь Прокофьева к искренности, к истине, к подлинному искусству!

Я никогда ни в жизни, ни в творчестве не расставалась с прокофьевской Джульеттой... Она взрослая со мной, наполнилась теми чувствами, той жизнью, которыми я жила сама...

Как-то случилось мне оказаться в Вероне, близ места, где, по преданию, захоронены Джульетта и Ромео. Я не могла не посетить священного, пусть и символического этого склепа. Сколько времени провела там — уж и не помню. По крайней мере вся моя жизнь на сцене проплыла перед глазами. И тогда, именно в те минуты, я поняла — моя сценическая жизнь закончена...

Но сегодня танцуют мои ученицы. И душа прокофьевской Джульетты, как и образы других моих геройинь, ожидают в их танцах. Пусть же они обретут свою истину, пусть обретут себя...